

УДК 130.3; 124.5

DOI: 10.5840/dspl20203218

ПЕССИМИЗМ И СОВРЕМЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ¹

Джосайя Ройс

Цитирование: Ройс Дж. Основные сочинения Джосайи Ройса, Том 1: Культура, философия и религия. Глава 8 – Пессимизм и современное мышление // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2020. Т. 3. № 2. С. 75-95. DOI: 10.5840/dspl20203218

PESSIMISM AND MODERN THOUGHT

Josiah Royce

Might be cited as: Royce, Josiah. 2020. The Basic Writings of Josiah Royce, Volume I: Culture, Philosophy, and Religion. Chapter 8 – Pessimism and Modern Thought, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 3 (2): 75-95. DOI: 10.5840/dspl20203218. (In Russian).

Предисловие переводчика

Александр Никифоров

Джосайя Ройс (Josiah Royce, 1855 – 1916 гг.) – американский философ-неогегельянец. В 1875 г. закончил Калифорнийский университет, в 1875 – 1876 гг. стажировался у Виндельбанда и Лотце в Геттингенском университете. В 1878 г. получил степень доктора философии в университете Джона Хопкинса, в котором слушал лекции Ч. Пирса и У. Джеймса. С 1882 г. и до конца жизни был профессором Гарвардского университета.

Ниже мы публикуем перевод 8-ой главы «Пессимизм и современное мышление» из 1-го тома «Основных сочинений Джосайи Ройса. Культура, философия и религия» (впервые опубликовано в: *The Berkeley Quarterly*, v. 2, 1881, pp. 292 – 316; переиздано в: *J. Royce. Fugitive essays*. Cambridge: Harvard University Press, 1920, pp. 155–186).

В этой главе речь идет о проблемах этики. Ройс ставит вопрос об оценке человеческой жизни, обсуждает некоторые ответы на него и предлагает свое собственное решение. Он подвергает критике утилитаризм, представленный в работах И. Бентама и Дж.С. Милля. По мнению Ройса, при оценке человеческой жизни

¹ Пер. с английского: Александр Никифоров (Translated from English by Alexander Nikiforov). Перевод выполнен по изданию (Translated by edition): “Royce J. Pessimism and Modern Thought”, in: McDermott J. (ed.), *The Basic Writings of Josiah Royce, Volume I: Culture, Philosophy, and Religion*. New York: Fordham University Press, 2005, pp. 249–272, doi:10.2307/j.ctvh4zh64.18

утилитаризм исходит из предположения о том, что можно суммировать переживания удовольствия и переживания страдания, испытанные человеком на протяжении жизни, и посмотреть, какая из двух сумм окажется больше: если сумма удовольствий превосходит сумму страданий, то жизнь была благом; если же сумма страданий оказалась большей, то жизнь оценивается как зло. Ройс показывает, что подобное арифметическое сложение удовольствий и страданий невозможно, поэтому утилитаризм неспособен решить проблему оценки человеческой жизни.

Однако основным предметом рассмотрения Ройса является пессимизм – негативная оценка жизни. Он показывает, что пессимизм широко распространен в общественном сознании XIX века, в частности, он нашел выражение в философии и романтической поэзии. В философии, говорит Ройс, пессимистическую позицию часто связывают с А. Шопенгауэром. Если у жизни есть цель, то жизнь ценна в той мере, в которой она приблизила нас к этой цели. В процессе движения к цели мы испытываем беспокойство и, лишь достигнув цели, мы успокаиваемся. Шопенгауэр полагает, что жизнь есть воля, а воля не знает покоя. Если исчезает беспокойство, то исчезает и жизнь. Следовательно, делает вывод Шопенгауэр, жизнь никогда не достигает своей цели, поэтому не имеет абсолютной ценности.

Значительное место в данной главе Ройс уделяет рассмотрению проявлений пессимизма в романтической поэзии. Он говорит о том, что романтическая поэзия была порождением Великой французской революции и стремилась выразить чувства, охватившие широкие слои населения после устранения сословных ограничений. Однако к непосредственному выражению чистого чувства у романтических поэтов присоединялась рефлексия – критическое рассмотрение переживаний. Вот эта двойственность романтической поэзии и окрашивала ее в пессимистические тона. Ройс анализирует творчество Новалиса, Шелли, Байрона, Гете и множества второстепенных поэтов, имена которых канули в Лету. Поэтому при переводе мы несколько сократили этот раздел.

В заключительном разделе автор предлагает свой подход к оценке ценности жизни. Он тоже опирается на понятие цели. В жизни человек ставит перед собой множество разнообразных целей – сделать карьеру, вырастить хороших детей, написать книгу или картину, сколотить состояние и т.п. Все эти цели, полагает Ройс, путем диалектического синтеза можно свести к одной – высшей или абсолютной цели, к которой должно стремиться. Ройс видит эту высшую цель в духовном единении всех сознательных личностей, чем-то напоминающим гегелевский абсолютный дух, воплощенный в человечестве. Эта цель недостижима. Но Ройс не пессимист. Да, говорит он, этой цели нельзя достигнуть, но в некоторые моменты можно быть сопричастным к ней. Человек преследует множество эгоистических целей, вступает в столкновения с другими людьми, терпит поражения и испытывает страдания.

Но иногда – когда он честно выполняет свой долг, когда бескорыстно трудится во имя общего блага, когда проявляет милосердие или любовь к ближнему, вот тогда он переживает чувство единения со всей сознательной жизнью, чувство сопричастности мировому духу. Таким образом, позиция Ройса носит диалектический характер: высшая цель в абсолютном смысле недостижима, однако в жизни есть моменты, когда человек переживает чувство ее достижения.

В конце главы Ройс выражает сожаление по поводу того, что общественное сознание слишком лениво и легкомысленно, чтобы обращать серьезное внимание на проблемы морали. Это верно и для нашего времени. Однако в связи с проблемой, обсуждаемой Ройсом, хочется обратить внимание на то, что вопрос о ценности жизни встает перед человеком обычно на склоне лет. Когда человек полон сил и стремлений, когда его уносит куда-то вихрь жизни, он не задумывается над тем, как оценить свою жизнь. Лишь чувствуя приближение смерти, человек окидывает взглядом прошлое и задает себе вопрос: хорошо ли я прожил свою жизнь? Он вспоминает свои успехи и неудачи, свои достижения и провалы, переживания счастья и страдания, взвешивает их и выносит приговор: да, жизнь удалась или не удалась, она была удовольствием или сплошной мукой. Ройс совершенно прав, когда говорит о том, что мы оцениваем не сами переживания счастья или несчастья, а лишь воспоминания о них. К сожалению, он совершенно не обращает внимания на то, что память разных людей о своем прошлом не одинакова. Один помнит, в основном, только свои успехи и пережитые удовольствия, неудачи и страдания забываются; у другого, напротив, в памяти о прожитой жизни наиболее ярко сохраняются воспоминания о поражениях, об испытанной боли, об огорчениях. И первый, оценивая прожитую жизнь, скажет: жизнь была прекрасна! А второй: жизнь была ужасна! Хотя, глядя со стороны, посторонний человек мог бы оценить жизнь второго как вполне благоприятную.

Но посторонние оценки моей жизни не имеют никакого значения. Я оцениваю мою жизнь, опираясь на собственные воспоминания, и эта оценка никем не может быть оспорена. Здесь Ройс опять прав. Отсюда вытекает естественная рекомендация: не концентрируйте свое внимание на неудачах и поражениях, не мусолите в памяти свои огорчения и боли, забудьте о них! Пусть память о прожитой жизни будет наполнена только светлыми переживаниями – воспоминаниями о любви, о дружбе, о честно выполненном долге. Тогда, оглядываясь назад, вы сможете сказать: какое было счастье – жить!

***Пессимизм и современное мышление
Джосайя Ройс***

Проблема ценности жизни часто рассматривается людьми как таковая, которую вряд ли стоит обсуждать и выносить какое-то решение. Однако рано или поздно мыслящие существа должны прийти к рассмотрению вопроса о ценности сознательной жизни, ибо самоанализ является существенной частью всякого умственного развития, и он не может остановиться до тех пор, пока не рассмотрит нашу жизнедеятельность как в целом, так и в отдельных ее сторонах. Но следует учесть, что каждый новый шаг в развитии критического мышления осуществляется посредством критического взгляда на прошлые позиции, поэтому вопрос о ценности жизни сначала предстает перед нами в виде точки зрения, которую неточно называют пессимистическим сомнением относительно человеческой жизни. Поэтому учение, обычно называемое пессимизмом и утверждающее, что в мире царит зло, будет непосредственным предметом последующего рассмотрения, конечной целью которого является выдвижение некоторых идей относительно метода оценки ценности человеческой жизни. Сначала мы намереваемся дать анализ некоторых современных точек зрения, относящихся к нашей проблеме, а затем критически обсудим основания этих точек зрения. Предварительно мы очень кратко рассмотрим, что именно подразумевается под ценностной оценкой человеческой жизни.

Всякий, знакомый с духом и предметами современных дискуссий, согласится с тем, что мы должны ограничиться изучением человеческой жизни, известной нам в этом мире. Во всяком случае, наша жизнь именно по эту сторону смерти является предметом современного морального интереса. Мы привыкли ограничивать наши желания, даже когда они простираются за пределы нашей собственной жизни, границами вероятного будущего человеческой расы. Для современного человека будущее означает ряд будущих поколений. Нашей позицией является позиция Фауста, и только с этой позиции можно ясно рассуждать и определенно надеяться:

«Здесь, на земле, живут мои стремленья,
Под солнцем, здесь, мои мученья;
Когда ж придет последнее мгновенье –
Мне до того, что будет, дела нет»

(Гете И.В. Фауст / пер. с нем. Н. Холодковского (1878). М.: Детская литература, 1969).

I. О ценностной оценке вообще

Поскольку удовольствие и страдание являются хорошо знакомыми фактами сознания, постольку часто возникает желание количественного сравнения различных удовольствий и страданий.

Выглядит ли этот цвет приятнее, чем другой? Было ли нынешнее Рождество столь же веселым, как и прошлогоднее? Является ли этот рассказ таким же увлекательным, как другой? Что более неприятно – морская болезнь или зубная боль? Причиняет ли сломанная рука большую боль, чем угрызения совести? – Такого рода вопросы люди обсуждают довольно часто. Единственное средство ответить на них заключается в том, чтобы обратиться к личному внутреннему опыту (*experience*). Дискуссия, вызванная симпатией, неприязнью, упрямством или стремлением получить одобрение других людей, часто изменяет естественное суждение по таким вопросам. Тем не менее, будучи естественным или искусственным, окончательное суждение опирается на внутреннее переживание. Но трудность в передаче и понимании таких элементарных оценочных суждений заключается в том, что сравниваемые объекты не всегда ясно определены. Можно считать аксиомой утверждение о том, что именно результат непосредственного сравнения двух наличных переживаний в решающей мере предопределяет их оценку как удовольствия или страдания. Если я вижу перед собой два цвета, слышу два разных звука или принохиваюсь к двум разным цветкам, мое решение о том, какое из двух сравниваемых чувственных впечатлений лучше, является непосредственным. Однако большая часть наших оценочных суждений не опирается на непосредственное сравнение наличных переживаний. По крайней мере год разделяет два празднования Рождества. Зубная боль и морская болезнь не обязательно соединяются в одно время для человека, сравнивающего их. И этот список можно продолжить. Таким образом, оценочное суждение часто основывается на сравнении настоящего и вспоминаемого переживания или на сравнении вспоминаемых переживаний друг с другом. Здесь непосредственная оценка не допускает никаких оговорок. Если в моей памяти переживание А кажется мне превосходящим переживание В, то так оно и есть. Правда, можно все-таки высказать сомнение относительно того, превосходило бы переживание А переживание В, если бы они оба присутствовали в настоящем. Реально высказываемое суждение не зависит и не может зависеть от этого. Мы не можем судить об относительной оценке удовольствия или страдания А и В самих по себе, поскольку А и В являются переживаниями (например, празднование Рождества, зубная боль, морское путешествие, чтение рассказа), разделенными значительным промежутком времени. Наше суждение об их относительной ценности относится лишь к тому, как они представлены в памяти.

У нас имеются некоторые средства раскрытия природы иллюзий, возникающих в памяти¹, однако этих средств недостаточно для выявления искажений, вносимых в наши оценочные суждения прошедшими промежутками времени. Обычно лучшее, что мы можем сделать в такой ситуации, это взвешенно решить, какое ре-

¹ См. последнюю книгу м-ра Джеймса Салли «Иллюзии: психологическое исследование», в частности, гл. X «Иллюзии памяти».

шение мы могли бы принять, если бы рассматриваемые переживания сейчас предстали перед нами. Мы подставляем обдуманное взвешивание воспоминаний вместо живого выбора из наличных переживаний, и наше решение, в конце концов, является выбором между двумя обдуманными действиями, то есть представляет собой волевой акт.

Совершенно безнадежно получение непосредственного оценочного суждения, когда мы рассматриваем общую ценность долгого ряда переживаний, содержащихся в годовом отрезке или в целом периоде нашей жизни. Сумма какого-либо числа последовательных переживаний удовольствия или боли никогда не представлена в сознании. Переживание не знает подлинного суммирования переживаний. Сумма ряда удовольствий или страданий представляет собой чисто идеальный предмет, предназначенный для последующего анализа. Можно сложить вместе две кучки гороха, а затем пересчитать их. Факты сознания не являются горошинами, которые можно сложить и подсчитать. Они умирают вскоре после того, как родились. Пытаться суммировать подвижные, вспыхивающие и гаснущие явления сознательной жизни столь же трудно, как сложить вместе сменяющиеся друг друга языки пламени горящего костра. Под суммой рядов переживаний удовольствия или страдания обычно подразумевают просто общее впечатление, которое они оставляют в нашей памяти. Когда кто-то говорит, что было «ценным» совершить некоторое путешествие, прочитать какую-то книгу, изучить такой-то иностранный язык; когда один поэт говорит о том, что лучше любить и потерять любовь, чем никогда не любить, а другой поэт призывает нас подсчитать радости нашей жизни, чтобы «осознать, что быть лучше, чем не быть», то во всех этих случаях мы имеем дело не с реальным суммированием, а с оценкой, основанной на количественной разнице между наличными общими впечатлениями от двух представленных множеств переживаний. Здесь нет даже такого грубого сложения, как в случае приблизительной оценки положения или веса находящихся перед нами масс. Ибо части материальных тел сосуществуют, и общее впечатление возникает без какого-либо значительного промежутка времени, требуемого для обозрения частей. Однако ценностная оценка относится не к сосуществующим объектам, а к объектам, разделенным длительными периодами времени. Первая оценка может быть проверена и подтверждена, вторую проверить нельзя. Установление реального положения материального объекта может быть целью исследования. Но самая тщательная оценка математической суммы длинного ряда удовольствий и страданий в действительности не имеет никакого значения, если она расходится с оценкой ценности, опирающейся на простое чувство или на общее впечатление от ряда переживаний как целого. Доказывая мне, что во время восхождения на гору я испытал больше боли, чем удовольствия, вы все равно не докажете мне, что мое восхождение было ошибкой. У меня может сохраниться общее впечатление

о благоприятности моего опыта в целом – впечатление, обусловленное тем, что я уже почти забыл о неприятностях восхождения, и у меня сохранилось лишь яркое воспоминание об открывшейся с вершины панораме и о свежем воздухе, наполнившем мои легкие. Тщетно вы будете стараться опровергнуть это общее впечатление вашими оценками. Я не должен беспокоиться по поводу ваших суммирований, даже если вы выполнили их с ангельской точностью. Решающим здесь является только мое чувство ценности восхождения на вершину.

Таким образом, наша оценка ценности любого длительного фрагмента человеческой жизни опирается не на оценку математической суммы ее отдельных переживаний, а на общее впечатление ценности или значимости цельных последовательностей, рассматриваемых в какой-то другой момент времени. Осознание того, что именно это общее впечатление лежит в основе всех оценочных суждений о жизни, поддерживает человека в современных несчастьях¹. Надежда говорит нам, что даже если наши переживания несчастья по количеству и интенсивности превосходят переживания счастья, будущее все-таки способно перевернуть эту шкалу, рассматривая весь ряд переживаний как существенно добрый. Ни один непредубежденный человек не будет пытаться применять чисто утилитаристский подход к оценке своего собственного жизненного опыта. Утилитаристский подход требует точного сложения и взвешивания удовольствий и страданий. Но такое сложение на самом деле невозможно. Даже если бы оно было возможно, соотношение между радостью и грустью для большинства людей не имело бы никакого значения².

Следовательно, оценочные суждения о человеческой жизни в целом несводимы к утверждениям о математической сумме удовольствий и страданий. Но тогда что детерминирует эти суждения? Наше исследование имеет целью отчасти ответить на этот вопрос. Однако многое уже ясно: оценочные суждения о человеческой жизни являются результатом акта мышления, напоминающего

¹ Здесь Д. Ройс использует выражение “haec olim meminisse iuvabit”, являющегося частью фразы “Forsan et haec olim meminisse iuvabit” («Может быть, и это когда-нибудь будет приятно вспомнить»), которая представляет собой сделавшийся пословицей стих Вергилия (Энеида I, 203) – прим. перев.

² Эта проблема «гедонистического исчисления» была рассмотрена в работе м-ра Седжвика «Методы этики», кн. II, гл. iii, разд. 2, р. 120 и далее. Большинство утилитаристов вряд ли оценило фундаментальное значение данной проблемы. Бессмысленно призывать нас к поискам «наибольшей суммы счастья», в то время как соотношение удовольствий и страданий никогда не может быть установлено, а если даже и установлено, оно не будет принято большинством людей как выражение оценки их собственного опыта. Это – призыв обезглавить Чеширского кота, не имеющего тела. Связь этого предмета с рассматриваемой проблемой очень хорошо представлена в статье Гартмана «Можно ли научно обосновать пессимизм?» (Philosoph. Monatsh. Bd. XV, hft. X, p. 589, sq.), в которой автор констатирует (р. 591), что «возражение против гедонистической оценки ценности жизни... не затрагивает истинности пессимизма, который имеет дело только с доказательством того факта, что баланс удовольствий в мире дает негативный результат. Иными словами, «сними с кота голову» независимо от того, имеет он тело или нет.

обычный волевой акт. «Жизнь хороша» или «Жизнь плоха» – эти противоположные оценочные суждения выражают две противоположные позиции воли. Окончательное решение является не результатом математической оценки, а вытекает из моральной интуиции. Природа этой интуиции все еще неясна. Но уже должно быть ясно, что мы ищем, а именно, не соотношение перечней добра и зла, а сокровенный стимул, определяющий принципы нашей жизнедеятельности, устойчивые «да» или «нет», которые мы относим к жизни в целом.

II. Пессимизм и современная поэзия

Этическая «критика жизни», говоря словами м-ра Арнольда Мэтью, в настоящем столетии выражается в различных формах. Главными среди них являются поэзия и спекулятивная философия. Поэзия девятнадцатого столетия в значительной мере была обусловлена изменением умственной жизни, главную ответственность за которую несет политическая и социальная революция конца восемнадцатого века. Революция обещала поэтам прекрасное или ужасное будущее человеческой расы и такую полноту эмоциональной жизни, которой не знали предшествующие десятилетия этого века. Она предоставила достаточно материала для возвышенных грез и волнующих картин жизни. Однако поэтические школы, выразившие дух эпохи, были чем-то отягощены, что оказалось фатальным для многих выдающихся талантов. Это нечто обременительное было стремлением к рефлексии. Переживать некоторое чувство – это одно, но воспевать это чувство – совсем другое. Воспевать чувство, одновременно размышляя о его философской значимости, значит нарушить все требования, предъявляемые к поэзии завистливыми богами. Тем не менее, именно с такой задачей столкнулась большая часть наших лучших современных поэтов. Они не могут испытать чистого переживания, а если все-таки испытывают, то не могут воспеть его чисто и просто. Демон рефлексии неустанно нашептывает певцу: для чего все это добро? Откуда оно взялось? Что оно может сделать с сокровенной природой вещей? Как повлияет на течение жизни? Певец начинает заикаться и спотыкаться или же, придя в себя, находит убежище в отступлении на позиции полуметафизической природы. Действительно, поскольку сама революция проявляет в значительной мере спекулятивные тенденции и поскольку умственные проблемы раньше никогда так широко не обсуждались, как в этом столетии, поэт при отображении своей собственной эпохи вынужден искать такого соединения мысли с чувством, которого раньше никогда не требовалось от создателя стихов. Чувство, соединенное со спекулятивной рефлексией, породило то, что называют романтической поэзией. Возвышенные или низменные, великие или ничтожные искренние поэтические усилия почти все в этом смысле являются романтическими. Некоторую искусственную, вторичную свободу

от рефлексии можно найти лишь в очень немногих классических современных поэмах, да время от времени появляются немногие естественные песни, не затронутые духом рефлексии. Хорошо это или плохо, но в целом романтизм торжествует: во имя добра, когда мысль и чувство сливаются в совершенное целое, например, «Освобожденный Прометей»¹ или первая часть «Фауста», либо во имя зла, когда мысль искажает чистоту чувства или чувство подчиняет мысль².

Из всех предметов рефлексии в романтической поэзии наиболее известен вопрос о значении и ценности человеческой жизни как целого. Первый и естественный ответ современного поэта на этот вопрос хорошо известен. Человеческая жизнь для него означает эмоциональную сторону жизни. Высшее добро должно быть эмоциональным добром. Романтический поэт, критикующий жизнь, стремится сделать ясным, какого рода эмоциональные переживания являются наиболее удовлетворительными. Заметим, что здесь мы имеем дело не с простым трюизмом. Многие разновидности гедонизма не согласились бы с учением о том, что идеальное состояние сознания можно найти в наиболее интенсивных переживаниях. Здравый смысл обычного человека видит источники постоянного удовлетворения в более умеренных удовольствиях досуга, в получении практического знания, в бизнесе или в успешной профессиональной карьере. Некоторые школы античной философии считали умеренность сущностью счастливой жизни. Однако весь дух современной поэзии с самого начала был совершенно противоположен этому. Спокойная умеренность уже не считается целью и ей на смену приходят буря и натиск. Поэты революции требуют активного чувства, самого интенсивного по качеству и неограниченного по количеству. Чтобы дать представление о духе революционной поэзии, достаточно упомянуть «*Вертера*», «*Разбойников*», «*Восстание Ислама*», «*Манфреда*», «*Фауста*».

В таком случае жизнь может быть ценной только тогда, когда она наполнена желаемыми формами поэтического чувства. Но возможна ли такая полнота жизни? Приемлема ли позиция, провозглашающая ее идеалом? Не должно ли последовательное проведение этой точки зрения в конечном итоге приводить к пессимизму? Ответ на эту проблему дает история всего романтического движения. Здесь достаточно представить краткий набросок важнейших результатов этого движения.

Прежде всего, для романтического поэта теологический идеал жизни был разрушен и даже уничтожен. Его высшее благо следует искать в его собственной душе. Что отсюда следует? Во-первых, конечно, чувство полной независимости, надменной духовной гордости. Радость свободного чувства приравнивалась к немногим высшим земным удовольствиям. Выше самопочитания поэтическо-

¹ Драма П.Б. Шелли (1792 – 1822) – прим. перев.

² Остальное из разд. II было включено в гл. V работы «Религиозные аспекты философии».

го гения были лишь очень немногие виды самодовольства. Шелли, упивавшийся силой своего духа, написавший «Необходимость атеизма» и со всей искренностью защищавший зло, адюльтер и инцест, представляет хороший пример выражения этого духа. Истолкование природы гения Лаватаром дает другой пример: «Как явление ангелов не приходит, а присутствует, не уходит прочь, а проходит, как они ударяют в самую глубину души, своим бессмертием влияют на бессмертное в человеке, исчезают и все-таки влияют, оставляя после себя в душе сладкое содрогание и слезы ужаса, а на лице – отблеск восторга, – так воздействует гений. Опишите гения так, как вам хочется, дайте имя его плодоносной душе, его вере, надежде, любви, – непостижимым, несравненным, божественным, – вот гений. Его вдохновение, откровение можно чувствовать, но не желать или хотеть; его искусность выше искусства, его путь есть путь света»¹. Я не могу цитировать здесь даже десятой части этой рапсодии, наполненной самовосхищением и восторгом, который вызывал в молодом человеке Гете в годы до и после 1780.

Эта гордыня непосредственно ведет к попытке создать совершенно новое множество идеалов. Терпение государственного деятеля, труженика науки, бизнесмена совершенно неизвестно этим напористым молодым людям. Они хотят переделать мир по-своему и быстро. В то же время у них нет какой-либо определенной веры. Определенная вера была бы опасна для свежести их эмоций. Поэтому они держатся в стороне от каких-либо вероучений и склонны больше разрушать, чем строить. Одним из наиболее интересных молодых гениев этой эпохи² является рано ушедший Новалис (Фридрих фон Гарденберг), представлявший, как позднее Шелли, эмоциональную или романтическую поэзию в ее первоначальной чистоте. Обладающий поистине благородной душой, соединенной со слабым телом, угнетаемый множеством болезней, лишенный возможности достигнуть полного духовного развития, он продемонстрировал нам красоту и совершенство эмоциональной жизни. У него есть страницы с изложением некоей неопределенной философии, которая впоследствии произвела впечатление на молодого Карлейля как выражение чувства глубокого таинства жизни. Вы получите удовольствие, бродя в цветочном лабиринте этих расплывчатых спекуляций, но никуда не придете. Ясно лишь одно: молодой поэт настаивает на том, что мир в какой-то мере должен соответствовать эмоциональным запросам человека. И он утверждает также, что структура гармоничной жизни может быть сформирована только на основе чисто романтического проекта. Он не говорит о реальности и полноте этой структуры жизни. Наконец, он намекает на то, что католическая церковь является

¹ См. более длинный отрывок в работе Коберстайна «История немецкой национальности», bd. IV, p. 26 5-го изд.

² Эта эпоха простирается от 1770 до 1830 гг. Мы не придерживаемся здесь хронологического порядка. Нам нужны иллюстрации, а не собственно история.

наилучшим выражением потребностей человека. Тогда наше краткое путешествие в этом мире заканчивается смертью. Но чем бы оно могло закончиться, если бы жизнь продолжалась?

Возможно, в том, что близкий друг Новалиса Фридрих Шлегель называл романтической иронией. Это следующий шаг в развитии или, если угодно, в упадке духа романтизма. Чувство есть наш руководитель и наша цель. Но что такое чувство? Нечто изменчивое и неустойчивое. Каждое чувство стремится заполнить целостность жизни. Но эта целостность стремится к смерти, чтобы дать место новому чувству. Даже если какое-то победившее чувство царит в сердце, все они в целом уходят. Полнота такой жизни означает непостоянство. Новалис перед смертью создал некоторый вид божественности ухода и обозначил приход новой эры со дня своей смерти. Его дневник наполнен духовными упражнениями, стимулированными его страданиями. Он решил дойти до могилы в течение года. В этом году он заново обручился. Если таков Новалис, то что может быть менее духовным? Осознавая это неизбежное угасание каждого чувства, Фридрих Шлегель провозгласил, что нужно необходимость сделать добродетелью и что более высокая жизнь состоит в пылкой переменчивости. Гений должен трепетать подобно колибри в саду божественных чувств. Он должен осознавать свою изменчивость и гордиться ею. Активность или, скорее, живость есть его высшее совершенство. Чем многочисленнее его переживания, тем благороднее человек. Чем более изменчив человек, тем многочисленнее его переживания. Это осознание единства благородства и непостоянства есть романтическая ирония, состоящая в принятии каждого нового возбуждения с радостной гордостью. Оно не было первым и не будет последним. Мы проходим сквозь него, даже когда ему подчиняемся. Мы больше, чем оно, и переживем его. Долгой жизни королю переживаний, посылающему нам новые чувства!

По-видимому, уже достаточно сказано об этом изобретательном и совершенно отвратительном истолковании жизни, в котором нет никакой серьезности. Эта ирония – лишь насмешка дьявола над печальной слабостью человеческого характера. Переживание, чувство было нашим благом. Но как мы видели, оно превратилось в жалкий фетиш. Оно мое, оно твое и было рабом у тысяч людей. Оно уходит, хотя мы верим в него. Оно было в нас и утечет подобно воде. Это не полнота, а пустота жизни. И как романтическая ирония может заполнить эту пустоту? Об этой иронии можно сказать словами Мефистофеля по поводу гибели Гретхен: *она не первая*. И это не первое изменение чувства, не первая поломка духовного источника в нас, но сколько печали в этой мысли! Ведь тогда не существует ничего надежного, ничего важного. В своем сердце мы находим жизнь, но это не подлинная жизнь, а пляска масок, под которыми ничего нет, – лишь бесконечное и бессмысленное изменение.

Осознание этого результата представляет собой следующий шаг в самокритике романтического духа. Следствием является то, что Гегель в «Феноменологии духа» описал под именем «несчастливого сознания» и что нам более известно как байронический стиль мышления. Сама сила предыдущего чувства делает осознание его пустоты еще более мучительным:

«Когда лампа разбита,
Свет во прахе умирает».

Чем ярче лампа, тем глубже мрак, наступающий после ее разбиения.

[.....]

Было предложено много способов успокоить это беспокойство, однако каков реальный ответ на проблемы романтического духа? К тому же существует еще более важный вопрос: как могут люди жить гармонической эмоциональной жизнью, когда человек отходит от своих идеалов, когда традиционная вера утрачена, когда годы наполнены жалкими и слепыми усилиями, когда сама сила поэтического переживания делает его преходящим и изменчивым? Осознание провала всех попыток дать ответ на этот вопрос принадлежит пессимизму.

[.....]

Достоинства первой части «Фауста» Гете в наши дни преувеличиваются. Это произведение, без сомнения, грандиозно¹, но такова же и человеческая жизнь. Экстравагантный панегирик «Фаусту», который Герман Гримм наполнил цветистыми разглагольствованиями, кажется столь же неуместным, как аплодисменты в церкви. Поэма величественна и глубока, поскольку величественны и глубоки жизненные проблемы, которые она так правдиво представляет. С точки зрения формы, она возвышенно проста и непритязательна, если исключить отступления. Ее недостатки столь же очевидны, как и достоинства. Можно кратко представить основную идею поэмы. Здесь представлен мир, в котором природа совершенна как воплощение божественного разума, а человек в силу той же божественной мудрости оставлен во мраке и смятении. Ангелы, созерцающие совершенство природы, являются «истинными детьми Бога». Однако они ничто. Они лишь видят и мыслят. Действует человек. Своей деятельностью он способен создать такое же совершенство, которое уже пассивно существует в природе. Если ему это удастся, то его жизнь обретает гармоничную целостность. Господь устанавливает, что это возможно. Мефистофель высказы-

¹ См. мнение М.Э. Шерера, процитированное в статье м-ра Мэттью Арнольда «Французская критика Гете», «Разные сочинения», р. 291.

вает противоположное мнение. Вопрос решается на примере с Фаустом.

Фауст представляет собой человека, в котором соединены все достоинства и слабости романтического духа. Никакое совершенство он не считает ценным, если оно лежит за пределами его воли. Отсюда его отчаяние при взгляде на великий мир жизни. В его распоряжении лишь ничтожная часть этого мира. Он сознает, что никогда не сможет вырасти настолько, чтобы охватить целое или даже конечную часть этого целого. Однако в душе его остается страстное стремление к этой целостности, которое может удовлетворить только бесконечность. Этим объясняется безнадежное отчаяние начальных сцен первой части. Подобно Манфреду Байрона Фауст ищет смерти, однако его удерживает от смерти не страх, а случайное пробуждение прежних детских чувств. Он чувствует, что не взаимодействует с жизнью и целиком является созданием случая. Он испытывает лишь страстное желание полноты чувственного переживания. Однако ясно осознает, что это чувственное переживание пассивно. Пока еще он не хочет чего-то делать, а только хочет все получить¹. Испытывая страсть к новым чувственным переживаниям, Фауст в то же время осознает, что эти переживания никогда не принесут полного удовлетворения. Мефистофель стремится уверить его в том, что придет время для наслаждения и покоя. Фауст с возмущением отвечает, что никакие удовольствия не удовлетворят его и желанный момент никогда не наступит. Однако, высказывая это утверждение и заключая договор с Мефистофелем, Фауст поднимается над своей прежней точкой зрения и встает на новую позицию. Он никогда не может получить полного удовлетворения. Но почему? – Потому, что он всегда остается активным. Удовлетворенность означала бы покой, а покой равен смерти. Жизнь есть деятельность. Значение договора заключается в том, что для добра или для зла все существование человека есть деятельность. Но если деятельность есть сущность жизни, то удовлетворенность можно найти не в чувстве, а в деле. Мир добр только в том случае, если мы можем сделать его таким, а не иначе. Поэтому проблема Фауста состоит в том, чтобы открыть совершенный род деятельности.

Подойдя к пониманию этого, романтический дух превзошел самого себя. Сущность романтизма заключается в стремлении к полноте личного чувственного опыта. Сущность этого нового духа состоит в желании что-то свершить. Разница громадная. Следуя в этом новом направлении, Фауст может прийти до самопожертвования. Его пессимизм (в первых сценах он является пессимистом) способен направить его на героическое служение какой-то великой цели. Это произошло? Ответ нам слишком хорошо известен. Вся поэма выражает конфликт между двумя склонностями Фауста,

¹ См. длинное обсуждение этого пункта в работе Фридриха Вишера ««Фауст» Гете. Новые доклады о критике поэзии», в частности, р. 291 и р. 304: «Он (Фауст) теперь думает только о вожделинии».

но в процессе перехода от первой сцены, в которой господствует стремление к многообразию пассивных чувственных переживаний, к последующим сценам начинает доминировать вторая склонность. Фауст активен, но его активность есть постоянный поиск новых чувственных переживаний. Даже в самом конце он деятелен не так, как деятельны другие люди. Его деятельность осуществляется посредством магии, и достижение, ради которого он, наконец, хочет воскликнуть: «Мгновенье, ты прекрасно!», является лишь предвосхищением, а не реальностью. В реальном мире деятельность, приносящая полное удовлетворение, никогда не встречается. Таким образом, проблема не вполне решена, хотя поэт, поставив ее, сделал больше, чем любой другой современный поэт. В качестве жизненного идеала революция выдвинула великое эмоциональное переживание и героическое действие. Их нельзя привести в полную гармонию. Высшие виды деятельности ведут к самопожертвованию, к трудной работе, к тщательным расчетам, к реализму. Высшие формы эмоционального переживания опьяняют и расслабляют. Цель Гете заключалась в том, чтобы провести своего героя через разные этапы эмоциональной жизни с тем, чтобы в конце он предпочел деятельность всем видам чувственных переживаний. В итоге человек, возвысившийся над унылым повседневным реализмом, тем не менее, посвящает себя тяжелому труду как самый тупой реалист. Следует свободно и полностью отдаться служению некоторой высшей цели. Имеется все для победы над пессимизмом, не хватает лишь ясного представления о том, для чего Фауст обращается к деятельности. Если найдена цель деятельности, то проблема решена и дьявол проигрывает пари. Однако аллегорический туман второй части не дает нам достаточного представления о том, что же является желательным. Фауст действует во имя прогресса человечества и прогресс означает существование целой нации работников, бесстрашных людей, борющихся за свою свободу. Быть отцом таких людей есть высшее счастье. Действительно, это благо, признаем мы, но трудиться с помощью дьявола, посредством магии и насилия – разве это высочайшее? Является ли это самой лучшей деятельностью? Действительно ли решена тем самым великая проблема? Неужели высшим добром должна быть вечная борьба с природой, на которую обречено человечество? После себя Фауст оставляет народ тружеников, занятых сооружением плотины, защищающей берег от моря. Поистине замечательный конец романтических упований! О том, что самого Гете это не вполне удовлетворяло, свидетельствует эпилог на небесах, который означает, если вообще что-либо означает, что высшая цель человеческой деятельности есть нечто очень тонкое, невыразимое, невидимое, невообразимое, туманное. В этой последней сцене присутствует Мефистофель, который в своей яркой и выразительной манере произносит последнее слово обо всем предпринятии.

Неполнота «Фауста» выражает неполноту современного мышления. Поэт молчит по поводу конечной проблемы, поскольку современное мышление все еще уклоняется от определения высшей человеческой деятельности. А мы после этого краткого очерка поэтического движения революционного периода обращаемся к рассмотрению некоторых форм спекулятивного мышления, затрагивающих проблему пессимизма.

III. Пессимизм и спекулятивная философия

В начале нашего рассмотрения мы отвергли ту точку зрения, что оценка ценности жизни есть подсчет оценок, накопленных человеком, то есть заключается в их суммировании и взвешивании. Единственно полезными размышлениями о ценности жизни являются те, которые соотносят жизнь с какой-то признанной целью, существующей в сознании некоторого живого существа. Если дана цель, то мы можем сравнить с ней активность человеческой жизни и посмотреть, насколько близко она подошла к желанному состоянию. Из желанного состояния могут следовать ряды переживаний, в сумме которых обнаруживается избыток страданий по сравнению с удовольствиями. Однако это состояние может рассматриваться как наиболее высокое и вытекающие из него ряды переживаний могут быть приняты в качестве средства его достижения без вопросов относительно соотношения удовольствий и страданий. Ценность жизни оценивается исключительно со ссылкой на цель.

Мы не можем здесь рассматривать вопрос о том, чем обусловлен выбор нашей цели. Нам достаточно обратить внимание на следующие принципы. (1) Если мы избрали какую-то цель, к которой нужно стремиться, то наше движение к этой цели сопровождается некоторым беспокойством, то есть постоянной предрасположенностью к изменению нашего сознания, пока мы находимся в движении. Достижение цели означает прекращение беспокойства. Следовательно, стремиться к цели и стремиться избавиться от беспокойства есть одно и то же. (2) Беспокойство не обладает абсолютной ценностью, ибо в противном случае оно само было бы нашей целью. Но беспокойство не есть цель. Оно присутствует в сознании, когда мы стремимся к нашей цели. Цель ценна сама по себе, а беспокойство обладает ценностью только как средство приближения нас к цели. (3) Если мы зафиксировали какую-то цель, то оцениваем жизнь как хорошую в той мере, в которой достигаем ее, и как плохую в той мере, в которой не достигаем ее. Тогда наша оценка ценности жизни оказывается фиксированной и может быть изменена только в том случае, если изменяется цель. Но выбор цели является волевым актом. Мы не можем доказать другому человеку, что его целью должно быть то-то и то-то. Мы можем сообщить человеку, какова наша цель, и можем надеяться на то, что найдем или пробудим в нем симпатию к нашему энтузиазму. Выбор объекта в жизни не зависит от логического доказательства.

Человек усваивает моральные идеалы от другого человека или порождает их сам. Никогда он не приобретает своих моральных принципов так, как приобретает принципы математики – посредством строгого доказательства. Исходные аксиомы поведения являются практическими актами воли, в то время как исходные аксиомы науки, даже если в них присутствует элемент воления, все-таки являются волевыми актами другого типа. (4) Вместе с тем, принимая одновременно несколько целей или изменяя ранее принятую цель, мы в определенной мере зависим от логических соображений, а именно от непротиворечивости. Если две принятые нами цели деятельности находятся в конфликте, мы стараемся привести их в гармонию посредством компромисса или отказа от одной из них. Если анализ обнаруживает, что какая-то цель ведет к противоречию, мы изменяем ее. Если при лучшем понимании того, к чему приводит наша цель, мы изменяем свое отношение к ней, то наша воля испытала влияние нашего размышления. Таким образом, здесь возникает некоторый вид моральной диалектики, и независимость нашей воли в принятии конкретного объекта в качестве цели наших стремлений ограничивается реакцией нашего мышления на каждый новый идеал, который мы принимаем.

Если согласиться с этими принципами, то обсуждение ценности жизни сводится к рассмотрению следующих вопросов: (1) Являются ли цели обычного человеческого действия такими, что их вообще можно ясно определить? (2) Если можно дать им определение, то не окажутся ли они самопротиворечивыми, ведущими к противоречию или взаимно разрушительными? (3) Если это обнаружилось, то может ли какой-либо процесс диалектического очищения привести их к единству и установить непротиворечивый и универсальный идеал жизни? (4) Если такой идеал найден, то можно ли считать его достижимым?

На первый вопрос обычно – уверенно, а иногда неуверенно – отвечают утвердительно. То, что по крайней мере некоторые из распространенных объектов человеческой жизни поддаются определению, следует почти из каждой дискуссии относительно объекта, каким бы ни был результат дискуссии. Если же цели жизнедеятельности оказываются неопределенными, жизнь, направленная на их достижение, с нашей точки зрения не имеет определенной ценности.

Если на первый вопрос дан утвердительный ответ, то второй вопрос расщепляется на два вопроса. Он может относиться к целям жизни отдельного индивида. Или же может относиться к различным идеалам разных людей, находящихся в каких-то социальных отношениях. Мы должны на эти подвопросы ответить одинаковым образом. Обычные разнообразные цели человеческой жизни, принимаемые как индивидом, так и обществом, находятся в конфликте. Непостоянство, разнообразные внутренние столкновения показывают нам, насколько разобщенными являются наши индивидуальные идеалы жизни. Агрессия и жестокость, даже формы сплю-

чения и объединения говорят о том, насколько велик конфликт или опасность возникновения конфликта между разными человеческими целями. Но если жизнь в целом должна обладать ценностью, эти конфликты в конечном итоге должны быть улажены, ибо они являются препятствием и источником сверхбеспокойства даже для победителей. Тотальная неудача, бесконечное беспокойство должны быть побеждены.

Третий и четвертый вопросы являются ареной ожесточенных споров. Если кто-то решится утверждать что-либо относительно этих вопросов, то он может с уверенностью сказать, что отрицательный ответ на наш третий вопрос отчасти зависит от особой формы пессимизма Шопенгауэра, а утвердительный ответ подсказан как оптимизмом гегелевской школы, так и оптимизмом философов-эволюционистов. Для гегельянцев все конфликтующие человеческие цели посредством диалектического процесса приходят к гармонии в некоторой высшей цели – в самосознании Абсолютного духа. Для того, кто верит в физическую эволюцию, все человеческие цели с течением времени соединяются в одну цель – достижение величайшей удовлетворенности посредством все большей удовлетворенности последующих поколений. По крайней мере, именно таков смысл последних формулировок, пропагандируемых признанными авторитетами. Но для Шопенгауэра такая гармонизация невозможна. Чем больше мы знаем, тем отчетливее видим, по мнению Шопенгауэра, что борьба есть сущность воли и что разные объекты воли не только несовместимы, но должны навсегда оставаться несовместимыми.

Но если на третий вопрос дан утвердительный ответ, если установлена одна цель, то все еще остается четвертый вопрос. На этот четвертый вопрос, рассматриваемый безотносительно к третьему, Шопенгауэр отвечает отрицательно, философы-эволюционисты – утвердительно, большинство гегельянцев, по-видимому, *ни то, ни другое (weder noch)*. Взглянем на суть дела более внимательно. Если цель дана, то жизнь ценна в той мере, в которой она приближается к этой цели. Бесконечное беспокойство ушло бы, наконец. Однако, говорит Шопенгауэр, жизнь есть воля, а воля есть беспокойство. Если задана какая-то высшая цель, то ее достижение означало бы абсолютный покой. Абсолютный покой означал бы остановку воли, то есть смерть. Но если достижение абсолютной цели означает смерть, то в жизни эта цель не может быть достигнута. Следовательно, жизнь не может иметь абсолютной ценности. Какой бы ни была высшая цель, она не может быть жизнью, но должна быть смертью. Какой бы ни была жизнь, ее попытка достигнуть конечной цели должна вечно заканчиваться провалом. На таком основании строит свой пессимизм Шопенгауэр.

Рассмотрим предмет нашего обсуждения иным способом, более независимым от метафизики Шопенгауэра, и встанем на путь, который ведет к прямой атаке на цитадель современного оптимизма, а именно на этическое значение учения о прогрессе. Некоторые

люди когда-то предпочитали фразу «совершенствование человека» вместо современного выражения «эволюция человечества». Но когда человек обращается к истории для доказательства этого «совершенствования», он сталкивается с тем печальным фактом, что способное к совершенствованию создание еще никогда не совершенствовалось. Если и не вполне *«такой же странный, как в первый день творения»* (*«so wunderbarlich als am ersten Tag»*), он все еще далек от совершенства, большей частью неудачник, а часто просто плут. В таком случае «прогресс человека» кажется более подходящим термином для суммарного выражения фактов истории. Но многие оптимистические рассуждения все-таки должны сохраниться и при таком понимании прогресса. Прогресс есть факт, есть движение к лучшему, а превознесение первобытной невинности было лишь мимолетным сентиментальным капризом девятнадцатого столетия. Но что следует отсюда относительно природы жизни? Увы, слишком мало! Этот культ прогресса есть лишь другое проявление сентиментальности, полезное на своем месте, но не вполне морально оправданное. В этом громадном мрачном мире стойкий человек должен быть готов принять свой собственный взгляд на ценность жизни, совершенно независимо от знания каких-то переплетений мировой истории. Стоит подумать над тем, что тот кусок жизни, который нам известен, есть лишь фрагмент вечности. Перед нами бесконечная последовательность причин и следствий. Любая гипотеза о силах, управляющих миром, слишком неопределенна. После бесконечности прошедшего времени (прогресса, регресса или движения по кругу? Кто знает?) мировой дух заставляет двигаться вперед этот настоящий мир человеческой жизни со всеми его многочисленными несовершенствами. Мировой замысел или его отсутствие (этого нам здесь обсуждать не нужно) после бесконечных лет изменения предлагает нам в качестве возможного результата все ошибки, глупости и слепые усилия, присущие миллионам истраченных жизней, воров и убийц, хромым и слепым, тупым негодяев, составляющих низшие слои общества, павших духом, унылых бродяг, обитающих на окраинах цивилизации – всех этих близких нам существ, к которым мы испытываем жалость, даже осознавая их слабости. Таков результат бесконечности прошедших лет. Возьмем какого-нибудь наиболее мерзкого негодяя, о котором когда-либо слышали, скажем, Гито¹ или Иуду. Понадобилась вечность, чтобы создать его. Теперь он есть, и этого достаточно. Нам не нужно думать о том, был ли он запланирован. Но этот пример показывает, что такое может произойти. И это объясняет существование того, что мы рассматрива-

¹ Чарльз Гито (Guiteau) – американский адвокат, уверивший себя в том, что благодаря его поддержке Джеймс Гарфилд стал президентом США 4-го марта 1881 г. В благодарность за это он требовал назначить его послом во Франции. Ему было отказано. Тогда он 2-го июля 1881 г. в здании железнодорожной станции выстрелил в спину президента. Вследствие неудачного лечения Гарфилд умер от раны через три месяца. Гито был приговорен к смертной казни и повешен через два месяца после кончины президента. (Прим. перев.).

ем как зло, а именно: безнадежное стремление заканчивается неудачей, свирепый конфликт завершается взаимным уничтожением сталкивающихся. Прогресс здесь не помогает. Этот мир с течением времени может становиться лучше, ибо что такое несколько миллионов лет по сравнению с вечностью? Однако нет свидетельств того, что прогресс является вечным и постоянным. Если бы прогресс продолжался вечно, то как могли бы сегодня сохраняться несовершенства? Множество усилий в области теодицеи приводит к столкновению с ортодоксальной теологией, ибо они с необходимостью предполагают, что дьявол этого мира, будучи существенно конечным и рациональным существом, должен продолжать существовать в последующем мире и даже включаться в сами небеса. Если зло возможно и актуально после бесконечных лет прогресса, то последующий бесконечный прогресс никогда не сможет устранить зла. Тогда почему прогресс нужно приветствовать? Но если в бесконечном прошлом вообще не было прогресса, то на что надеяться в будущем? Наиболее вероятным взглядом на мир как целое была бы тогда та точка зрения, согласно которой развитие и упадок извечно сменяют друг друга. В любое время – как в прошлом, так и в будущем – мы можем найти в мире столкновения и несовершенства, которые находим сегодня, и хотя их формы бесконечно варьируются, содержание остается одним и тем же.

По-видимому, скептических соображений по поводу нашего четвертого вопроса уже достаточно. Обратимся теперь к нескольким заключительным замечаниям относительно третьего вопроса. В мышлении современных авторов нет сомнений в том, что на него следует ответить утвердительно: существует конечная цель, к которой посредством самопознания, посредством имманентной критики человеческих решений могут быть сведены все многообразные и конфликтующие цели деятельности. Мы не знаем, захотят ли все люди прийти к признанию этой цели, можно ли посредством какого-либо процесса диалектического очищения заставить всех людей отказаться от заблуждений и увидеть в их реальности одну цель? Это вносит небольшое изменение в наш третий вопрос. Теперь мы не можем продолжать защищать нашу цель в общем виде и должны удовлетвориться простым утверждением. Одна цель – наиболее полное и определенное понимание всей сознательной жизни, которая в любой момент времени входит в область нашего воздействия. Тогда преданность универсально осознанной жизни есть цель самой сознательной жизни или цель есть самоотнесение и самоподчинение каждого осознанного момента великому целому жизни. Отделение от другой сознательной жизни означает неудачу. Сознательное единство с другой сознательной жизнью для каждого сознательного существа означает успех, пропорциональный полноте, ясности и определенности этого единства. Вот это единство и есть та высшая цель, которая логически не доказывается как таковая, но выводится из других реальных целей людей, когда их анализируют в их подлинном значении.

Такое понимание цели деятельности возвращает нас к четвертому вопросу. Достижима ли эта цель? Вера в прогресс, как мы видели, не может обосновать утвердительного ответа. По-видимому, прогресс существовал в весьма ограниченной сфере, чрезмерно преувеличенной похвальным энтузиазмом современного мышления. Тогда надежды нет. Критический мыслитель не может постоянно удовлетворяться такой болтовней. Оптимистами или пессимистами мы должны быть здесь и теперь, в настоящей земной жизни в этом девятнадцатом столетии. И каждый, в конце концов, должен решать этот вопрос своей собственной душой. Рассуждения, представленные здесь, стремятся лишь сформулировать проблему, чтобы каждый мог обратить на нее внимание. А какую проблему поставило наше обсуждение? Вот наше заключительное утверждение.

Если целью является сознательное объединение каждого сознательного существа с великой целостностью сознательной жизни и если покой невозможен до тех пор, пока эта цель не достигнута, можем ли мы рассчитывать на достижение этой цели? Ответ таков: иногда мы можем себя чувствовать в совершенном единстве и гармонии с целостностью всей сознательной жизни. Прежде всего, в процессе самопожертвования, затем в процессе трудной работы во имя любой бескорыстной цели или в размышлении об активной жизни, при объединении с другими людьми для деятельности, не связанной с борьбой противоположных партий и даже борьбой с теми, кто покушается на добро целостной сознательной жизни. Все такие действия и переживания служат достижению единства каждого существа с целокупностью жизни. Однако такое достигается лишь в некоторые моменты. В остальное время в мире преобладают эгоистичность, сомнение, борьба с ненавистным равенством, одним словом – беспокойство. И для человечества в целом это даже более верно, чем для отдельных индивидов, испытывающих симпатию к этике. Мы должны посмотреть на всю нашу жизнь в универсуме, находящемся, по-видимому, в процессе вечного беспокойства, прерываемого быстротечными моментами единства с целокупностью сознательной жизни, моментами всепоглощающей увлеченности благородной деятельностью, восхищения другими людьми, моментами симпатии и самопожертвования. Кто знает, чего больше в этом ряду состояний сознания – страдания или удовольствия? И кого заботит этот подсчет? Мы – люди или вычислительные машины? Нет, мы рассматриваем жизнь только с точки зрения высшей цели. Что еще остается?

Так каков же наш результат – оптимизм или пессимизм? Неясно, что большинство людей подразумевает под первым. Жизнь в бесконечной борьбе, прерываемой временными триумфами здесь и теперь, не является полным триумфом. Но является ли она полным провалом? Цель никогда вполне не достигается, но иногда достигается, хотя бы и на время. Наш результат не является безнадёжным разочарованием романтизма, ибо мы преодолеваем его,

когда обнаруживаем, что без деятельности реальный триумф невозможен. Это чувство единства с универсальным сознанием является очень простым переживанием. Вы можете легко узнать его, если совершите акт жертвенности по чисто бескорыстным мотивам или с энтузиазмом посвятите себя великому общему делу, принесете кому-нибудь утешение. По этому поводу можно высказать много бессмыслицы, но, в конце концов, подлинно живая душа есть такое переживание. *Эта жизнь есть моя жизнь* – вот бесценное мгновение, когда мы говорим это о некотором другом существе, пусть даже о попискивающей птичке, сооружающей гнездо. Наш результат не исчерпывается лишь признанием самодостаточности деятельности самой по себе. Нет, активность есть беспокойство, но благодаря беспокойству иногда приходит покой. Мы принимаем этот факт для возражения на утверждение Шопенгауэра относительно того, что беспокойство преобладает. Шопенгауэр выводит из этого факта, что воля к жизни должна угасать. Мы отвечаем, что вопрос не может решаться таким образом. Поскольку сначала мы выбираем нашу цель посредством независимого акта воли, постольку теперь мы можем выбрать, в какой мере помехи нашим усилиям достигнуть цели могут считаться компенсированными нашими отдельными успехами. Решает не сравнение двух сумм, а приговор воли относительно цены двух множеств переживаний. Какой приговор избрать? На этот вопрос просто нельзя ответить словами, на него отвечает прямой акт воли. Здесь есть факты: некоторая цель, а именно, самозабвенное обдумывание и создание самой полной и ясной универсальной сознательной жизни; борьба за достижение этой цели – борьба со слепой природой, с эгоизмом в ней, с ненавистью вне ее; эта борьба перемежается с периодами триумфа; смена периодов борьбы и триумфа является бесконечным процессом. Нравится ли вам эта жизнь? Это лучшее, что вы можете найти. Вы принимаете ее? Каждый человек может ответить на эти вопросы только сам, как видеть цвета он может только собственными глазами. Наша задача – лишь предлагать ему такие вопросы.

Цель данного очерка состояла в том, чтобы представить проблему пессимизма в разном историческом освещении и предложить метод подхода к решению затронутых вопросов. Кажется очевидным, что все эти проблемы коренятся в самой природе человека. Можно лишь сожалеть о том, что общественное легкомыслие и лень отвращают нас от рассмотрения серьезных моральных проблем до тех пор, пока случай не заставит нас обратить на них внимание. К пессимизму часто относятся со страхом, однако прежние пессимисты были лучше, нежели ленивый приверженец какой-нибудь веры.

Перевод А.Л. Никифорова

Поступила в редакцию 30.05.2020